

Урал: река Собь, приток Оби.

Село Усть-Усса на р. Печоре. Зырянка (жена учителя) в праздничном костюме.

ПОЛЯРНЫЙ УРАЛ

Очерк и рисунки члена Геологической экспедиции на Полярный Урал художника Мих. Платунова.

Деятельность Геологического Комитета ВСНХ, организовавшего за истекший год ряд чрезвычайно интересных экспедиций, заслуживает самого пристального внимания со стороны широких читательских масс. В 1925 г. комитетом было направлено в различные концы СССР 215 экспедиций и геологических партий, которыми был открыт кембрий в Киргизской степи, были найдены богатейшие оловянные месторождения в Забайкалье. На Алдане были обнаружены новые месторождения золота; на Сахалине — уголь и лес. Среди других экспедиций — большую культурную работу произвела экспедиция на Полярный Урал во главе с геологами А. Н. Завалицким, Н. А. Куликом и ботаником А. Н. Геродковым. Впечатления об этой экспедиции, записанные членом экспедиции художником М. Г. Платуновым — печатаются ниже.

Маршрут наш был через Тюмень, Тобольск, по Оби до Обдорска. На разлившейся, как море, Оби одна из интересных остановок — Березов, место ссылки Меншиковых и Остермана. От первых никаких следов не осталось, и только простой деревянный крест с инициалами указывает на могилу Остермана. Посреди поселка стоит деревянная статуя, изображающая крестьянина — плод работы местного жителя — крестьянина, художника-самоучки.

По всей Оби за последнее время установлены радио-станции, что, естественно, скрашивает однообразную жизнь населения, отрезанного от всего мира на 9 месяцев в году.

Сделав около 2 тыс. верст по воде, мы добрались наконец до Обдорска. Встретить наш пароход пришло все население города: толпа была самая разношерстная — самоеды, зыряне, остяки, русские, евреи; все население, услышав свисток парохода, бежало к пристани, как на праздник. Наш пароход был вторым в году: естественно поэтому, что прибытие парохода — явление праздничное. — ведь он привозит почту, всевозможные продукты и даже пиво.

Обдорск не представляет собою ничего любопытного; своеобразием его является лишь необыкновенный фон, на котором он расположен, — с одной стороны снеговая цепь Урала, на которой солнце переливается всевозможными красками, а с другой серая, безграничная тундра, наводящая тоску и уныние. Впервые здесь увидел я незаходящее солнце, и это дало мне возможность написать панораму Оби с Уралом в... два часа ночи.

Далее наш путь лежал через Обь в деревню Лобитнанги, последний населенный пункт перед выходом на Урал: здесь мы должны были запастись всем необходимым для путешествия, т. е. нанять рабочих, купить нарты (особый род саней) для поклажи, так как это единственный способ передвижения по тундре.

Мы направились к Уралу через Обскую тундру: груз везли на лошадях, а сами шли пешком, предварительно обувшись в особую обувь — „бродни“, напоминающую чулок из кожи. Итти было очень трудно: ноги вязли по колена, тундра представляла собою сплошное болото, благодаря только что стаявшему снегу. Картина была самая безотрадная — неровная поверхность, покрытая карликовой березой, кочками и очень редкими лиственницами самого жалкого вида. Этот серый унылый вид оживлял один только Урал, хорошо видимый, благодаря прозрачности воздуха, со всеми рельефами и изгибами. Дорога затруднялась еще бесчисленными реками и ручьями, не глубокими, но быстрыми и холодными. Несколько раз даже пришлось нырнуть с головой, до того скользко было итти по дну, покрытому большими камнями, против стремительного течения. Через несколько дней, наконец, с всевозможными приключениями мы добрались до главной продовольственной базы у подножия Урала, — к горе Рай-из, на реке Сось (приток Оби).

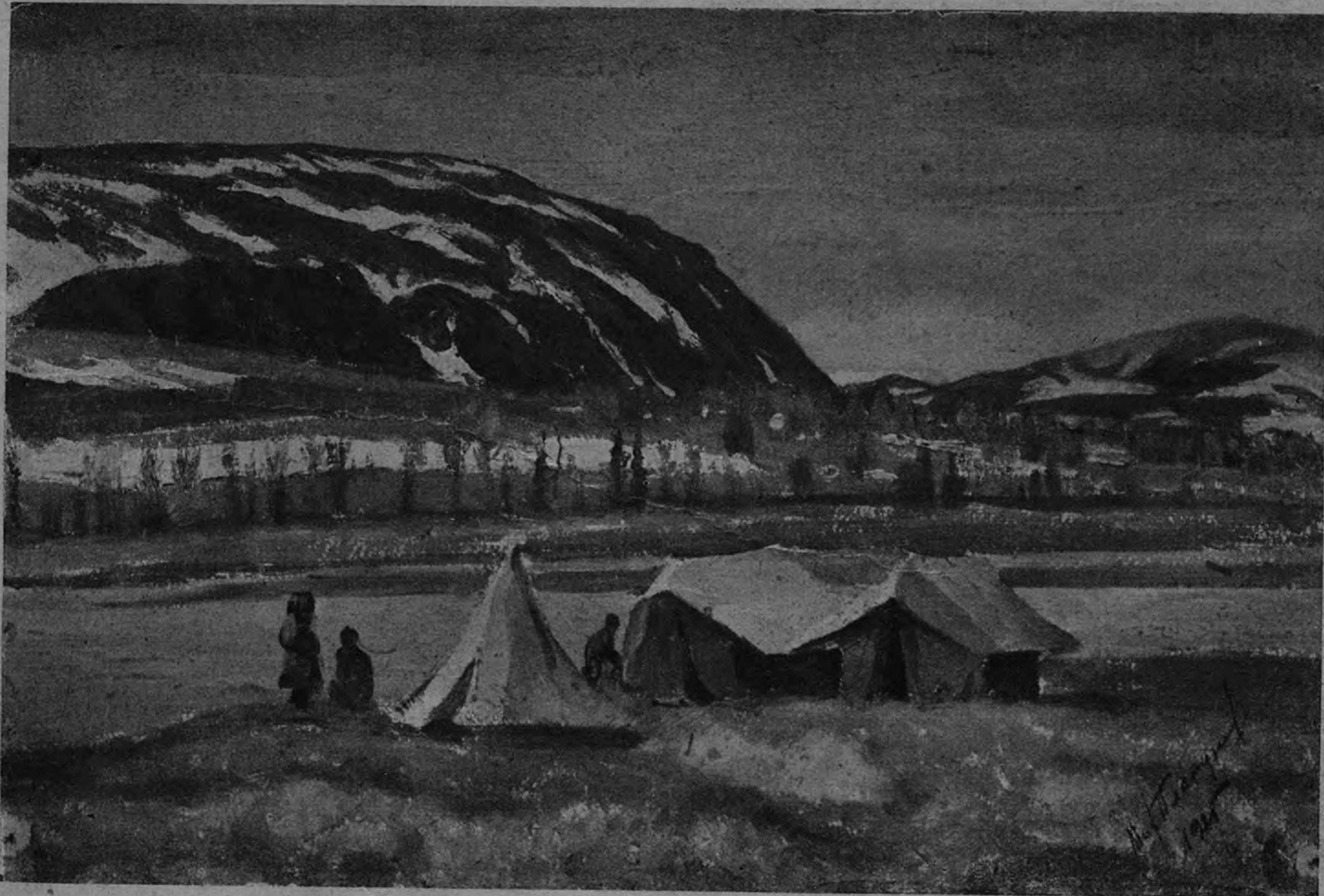
Здесь наша экспедиция разделилась на партии, и мы, в числе 4 человек — геолога Н. А. Кулика, инженера Н. И. Гридина, рабочего и меня, отправились дальше уже среди гор, к западному склону горы Рай-из, геологическое исследование и топографическая съемка которой являлись первой задачей нашей партии. Тут мы разбили палатки и устроили лагерь. Скверное дождливое лето, неисчислимая рать комаров и мошек — этот бич Урала, — создавали чрезвычайно тяжелые условия для работы. Комаров было так много, что, облепляя несчастных лошадей, они превращали их из разномастных в сплошной серый цвет. Мы без „накомарников“ (род сетки, одевающейся на голову) не могли существовать: умывание совершалось с невероятной быстротой и проклятиями.

Жизнь наша вообще напоминала быт героев Дж. Лондона: спали на оленьих шкурах, залезая в оленьи же спальные мешки, ели, кроме консервов, взятых из Ленинграда, медвежатину и оленину, всю пищу мы готовили, конечно, на костре; правда, плохо было с топливом, особенно при работе в горах, так как кроме камней, правда, очень красивых, напоминавших нам цветы, почти ничего нельзя было найти: меню сокращалось до пределов возможного.

Лично меня вознаграждали за все эти лишения удивительные краски северной природы: какая-то необыкновенная

Зырянка в костюме невесты (дер. Галово на реке Печере).

Лагерь экспедиции у горы Рай-из

прозрачность воздуха, чистота его создавала такие оттенки, передать которые было благодарной, хотя и легкой задачей.

Проработав на этой остановке около 5 недель, мы двинулись дальше, на запад, через Урал. В начале сентября уходил последний пароход из Обдорска и все отдельные изыскательские партии, кроме нашей, уезжали на нем; рабочий наш также ушел, и мы оставались вдвоем, уж совершенно отрезанные от мира. Путь наш лежал по местности, совершенно неисследованной, ни планов, ни съемок ее не было. Из-за груза и геологического материала мы двигались очень медленно, с громадными усилиями. По пути, среди гор, делали мы изыскания, высматривая в то же время каких-нибудь оленеводов, которые помогли бы нам выбраться к Большеземельской тундре.

Однажды увидели мы, наконец, с горы чум (палатка самоедов), окруженный оленьими. В первый раз за несколько месяцев встретили мы людей. Заинтересовались оленеводы нами в высшей степени: все ощупывали руками, расспрашивали, рассматривали. Грязь у них в чуме невероятная; меховые одежды надеваются прямо на тело и почти никогда не снимаются; белья не существует вовсе.

Уговорили мы их перелезти нас. На другой же день все стадо было пригнано, окружено тонкой бичевой

Самоед оленевод Большеземельской тундры.

и самоед, бросая аркан на расстоянии 8—9 сажен, очень ловко вылапывал за рога нужных ему для упряжки крупных оленей, специально для этого приспособленных.

Наконец, мы вступили в Большеземельскую тундру, пройдя от горы Рай-из верст 60. Осенью тундра совершенно меняется: она приобретает темно-красный цвет, окрасиваясь карликовой березкой, сплошь покрывающей тундру. В пути по тундре нас застигли холода: проснувшись однажды, мы увидели покрытые снегом, горы: это сочетание красок огненной тундры с бликами освещенного кое-где солнцем, белого, как саван, Урала, и с пестрой раскраской пожелтевших лиственниц, создавало необычайно живописные эффекты.

Из-за туманов, медведей, угонявших часто наших лошадей, топкой тундры и холода ного ветра наш путь очень замедлялся. В таких условиях мы продвигались до реки Ельца, где снова встретили оленеводов. С Ельца уже поехали на лодке-каюке; ехали 240 верст две недели; каюк беспрерывно садился на мель, и тогда всем приходилось стаскивать злополучное суденышко, при чем зыряне кричали: „ой беда, ой беда“; когда же каюк трогался, то радость свою они выражали криками: „муне! муне!“ что значит — „пошел, пошел“.

Река уже стала покрываться льдом, когда мы добрались, наконец,

Зырянка оленеводка в чуме (жилище оленевода) в тундре.

Старик самоед (о. Петрунь на р. Уссе).

а весной снова обратно. Олень — неисчерпаемый источник всевозможных благ для зырянина. Одет он с ног до головы во все оленьё, начиная с шапки и кончая липтами — меховые чулки — и пимами — меховые сапоги; спит на оленьей шкуре; делает из жил крепчайшие нитки, а из оленины prepares всевозможные блюда, причем из особых частей мяса изготавливаются даже „деликатессы“. При такой своей универсальности олень на редкость неприхотливое животное: ест свой, т. н., белый олений мох, а за неимением его, может долгое время и вовсе обходиться без пищи.

Очень нравилось зырянам смотреть, как я зарисовывал их: им казалось чем-то необыкновенным появление на бумаге знакомой физиономии какого-нибудь Терентьича. Каждый жаждал „рисовачи“, сидят прекрасно, и хотя всякий выпрашивает свой портрет, но при отказе с моей стороны соглашались оставить его мне: — Ну, мол, ладно, вози нас в Ленинград, покажи нас там, какие мы есть.

Материала за всю экспедицию удалось мне собрать порядочно: около 160—170 работ. Наконец, мы снова тронулись в путь, из Петру

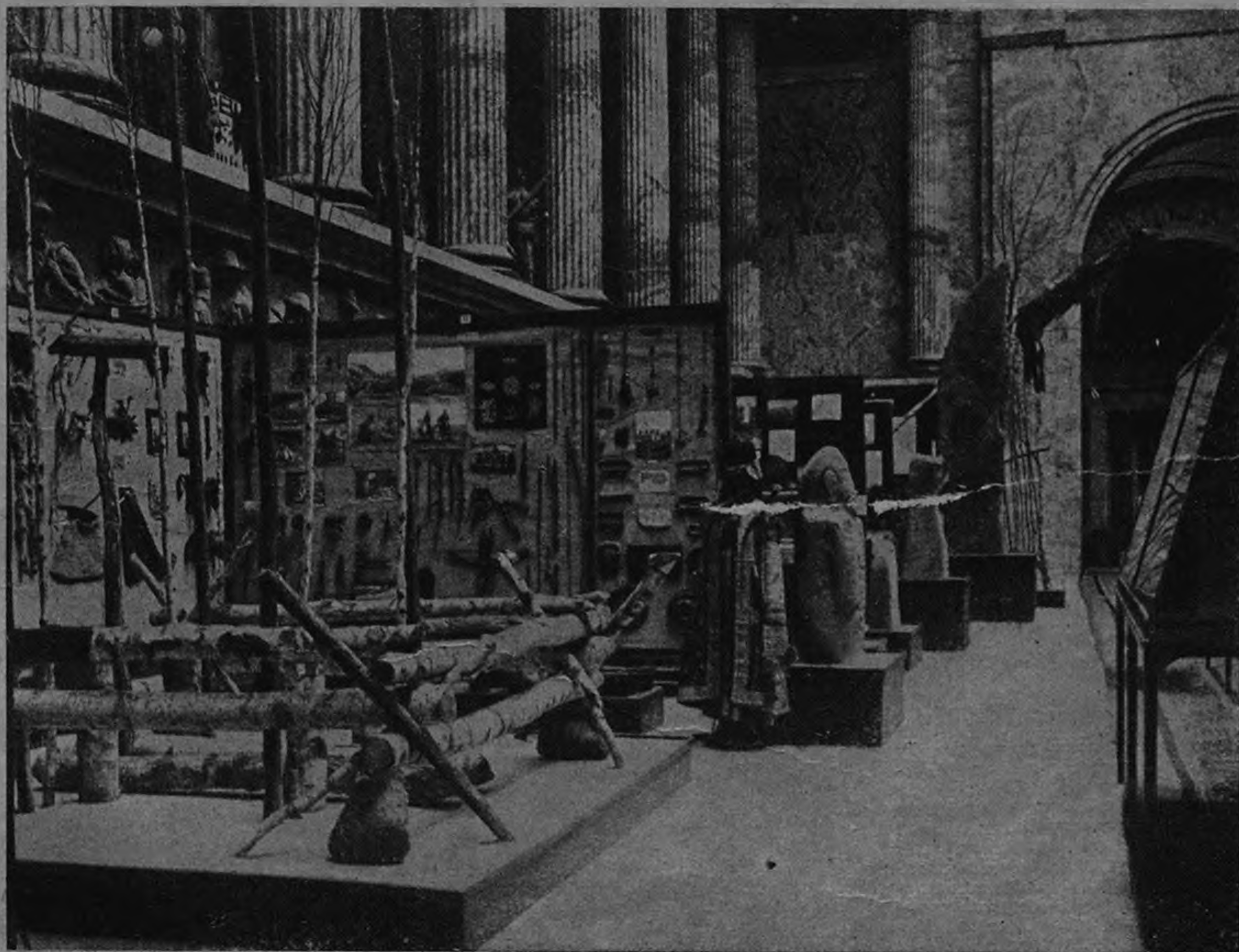
Зыряния (с. Петрунь на р. Уссе).

до большого села Петрунь, в котором и были вынуждены прожить целый месяц, в ожидании зимнего пути. Эта непредвиденная остановка дала мне возможность ближе приглядеться к жизни зырян. Село Петрунь является административным и торг. вым центром округа почти на 500 верст. Здесь имеются исполком, школа, библиотека, состоящая почти исключительно из книг по политическим вопросам. Заботливо устроен Ленинский уголок. Все население Петруни, как и всей области Коми, — зыряне. Очень приветливый и гостеприимный народ, работоспособный и выносливый. В своих „совиках“ и „малицах“ (зимние одежды зырян: малица — мехом внутрь, а „совик“, одеваемый сверху малицы, мехом наружу) с капюшонами на головах зыряне напоминают неуклюжих пингвинов, лица же в рамке мехового капюшона напоминают далеких викингов.

Русский язык редко кто знает; в школе введено изучение зырянского языка, азбуки пока нет, и лишь совсем недавно появилась единственная зырянская книга. Песен своих у зырян почти нет: поют они, главным образом, русские песни, не помня, кстати сказать, их значения, почему они часто курьезно путают слова. Несмотря на свою отсталость в этом отношении, зыряне все же упорно стремятся к знанию. Все население занято рыболовством, охотой, оленеводством, хотя, начиная с Петрунь, появляются уже и зачатки сельского хозяйства. Чрез Петрунь проходят оленеводы со своими стадами — осенью на зимние стоянки.

ь, из Петруней поехали мы на лошадях по рр. Уле и Печоре к Архангельску, всего около полуторы тысячи верст, на что пришлось посвятить целый месяц. От Усть-Цильмы до Архангельска дорога идет трактом через сплошной лес на сотни верст; мороз доходил до 30 градусов, и только совики и пумы спасали нас от холода. 6 декабря мы добрались до Архангельска, а 9-го приехали в Ленинград, пробыв в экспедиции ровно полгода.

Художник **Михаил Платунов**

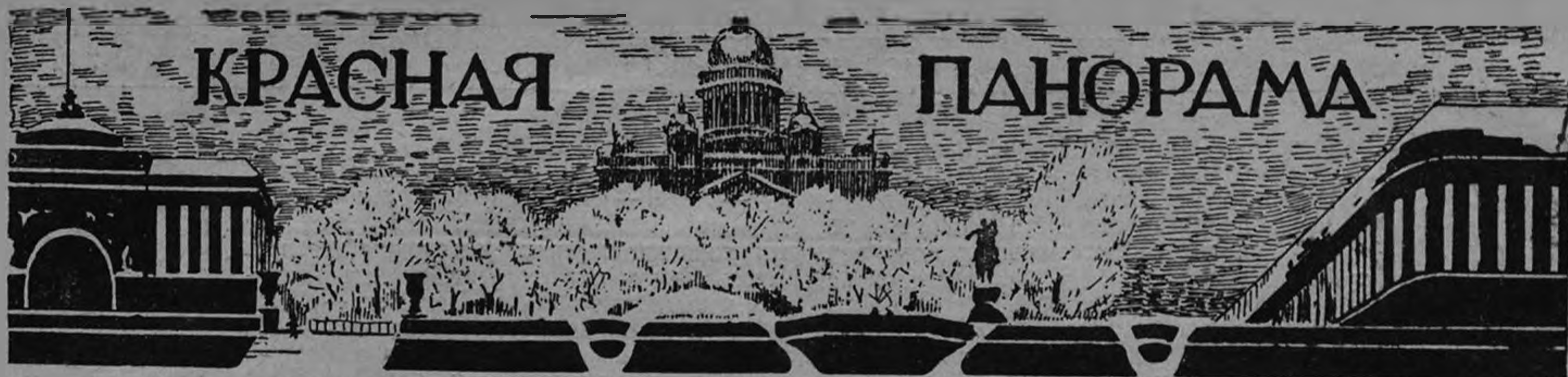

Отчетная Этнографическая выставка за 1921 и 23 г. в Русском Музее: Алтай „Кура“ — Семиречье — на 1-м плане место для священнодействий шаманов. На заднем плане — каменные бабы. (фот. С. Магазинера).

КРАСНАЯ ПАНОРАМА

Экспедиция на Полярный Урал старушка — зыранка (см. 8 стр.)

№ 7 (101)

ЛЕНИНГРАД

Пятница, 12 февраля

РАССКАЗ О ДОБРОЙ ВАРВАРЕ ГРИГОРЬЕВНЕ

Дм. Четверикова.

Иллюстрации худ. А. А. Юнгера.

Добрая Варвара Григорьевна.

Варвара Григорьевна очень добрая. Она любит повторять, что доброта никогда не повредит и что в каждом человеке этой доброты хоть с наперсток заложено. У Варвары Григорьевны столько доброты, что вся не уместается в ней, вылезает наружу. У Варвары Григорьевны и волосы добрые, старушечьи добрые волосы. У сердитых старух волосы ведь ложатся иначе, чем у добрых. Глаза у Варвары Григорьевны слезоточащие и сами цвета слезы. На подбородке у Варвары Григорьевны кустится обыкновеннейшая добрая бородавка. И полнота Варвары Григорьевны доказывает ее добрые чувства. Худошавые женщины бывают озлоблены. Мелкие, низкорослые бывают хитры и ехидны. Из ста полных женщин едва ли найдется десяток ведьм. Остальные — рыхлы, сговорчивы, постоянны и притом — образцовые хозяйки. Варвара Григорьевна никогда не рубит с плеча. Например, она ни за что не скажет: „Идем гулять“. Она произнесет так:

— Попробуем пойти погулять.

Вообще, во всем Подотделе Дошкольного Воспитания вряд ли можно сыскать второго такого человека.

Некоторые говорят:

— Варвара Григорьевна — рохля.

Нет, Варвара Григорьевна — не рохля. Случай с сумочкой, наоборот, доказывает, что она находчива и предана воспитательному делу.

Когда она приезжает в Детдом № 2 (дефективник), она беседует с „малолетними“, стараясь пробудить в них добрые чувства. В Детдоме накануне ее посещения усиленно топят печи. К приезду Варвары Григорьевны спускается вниз завдом. Наверху, в квартире завдома стриженная завдомша торопливо накрывает чайный стол. Руко одительницы — тетя Катя и тетя Вера — то и дело подбегают к окнам. Они даже ссорятся из-за окна. Дефективники исподлобья следят за всеми приготовлениями и чуть-чуть насмешливо спрашивают:

— Шалабутиха едет?

Угадывая насмешливую нотку в голосе, завдом сердится:

— Что за „шалабутиха“? Товарищ Шалабутова.

— Товарищ Ша-лабутова, — послушно повторяет голос.

Глаза у одних — вороватые, у других — сиулые. У Зоси Рыбниковой — какие-то знающие. У тринадцатилетнего убийцы Васи Коненко — ясные и добрые. И во всех спрятана насмешка: подчиненные трепещут перед едущим начальством.

Но вот товарищ Шалабутова приехала. Нарушен установленный порядок дня. В квартире завдома второй раз подогревается самовар. На звонок Шалабутовой бросились отпирать двери Зося Рыбникова и Вася Коненко.

Зосю Рыбникову в прошлый свой приезд Варвара Григорьевна погладила по голове. Зося Рыбникова приняла этот расейанный жест за ласку. Так, кошка иногда трется о

кончик ботинка и мурлыкает от блаженства. Зося Рыбникова влюбилась с того раза в Варвару Григорьевну. Зосю дразнили полхалимкой, подлизой — ведь за это же презирали „дефективники“ взрослых.

Зося защищалась, спорила, плакала и кричала, что Варвара Григорьевна — „прелесть, прелесть, а не завподотделом“. И теперь — вот на зло бросилась отпирать Варваре Григорьевне двери.

Вася Коненко не испытывал никакой нежности к толстой завподотделом. Но Вася любил всякие происшествия, был любопытен, как девчонка, и всюду, где происходил шум, оживление, — поспевал первым. Драка-ли, задавило ли человека, привел ли милиционер сбежавшего на той неделе „дефективного“, — Вася стоит в переднем ряду и смотрит внимательными слухом и глазами.

Посетители всегда обращают внимание на Василины глаза.

— Почему он здесь, среди воришек?

Завдом привык к этому вопросу. Кратко по-протоальному, излагает Василино „дело“.

Экспедиция на II ледный Урал: старуха-зырянка в с. Петрунь на в. Урале (см. стр. 8).